

ПЛАТФОРМЕННОЕ ПРАВО И МОДЕЛЬ СОУПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫМИ ЭКОСИСТЕМАМИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ПОДХОДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

PLATFORM LAW AND THE CO-REGULATION MODEL OF DIGITAL ECOSYSTEMS: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF THE EUROPEAN UNION'S APPROACH

D. Isaev

Summary. The article presents a comprehensive study of the transformation of the European Union's regulatory paradigm in the context of digital age challenges. The relevance of the topic is determined by the rapid development of the «platform law» phenomenon and the need to develop adequate mechanisms for legal regulation of digital ecosystems. The study focuses on analyzing the evolution of the EU's approach from a policy of voluntary self-regulation to a model of «enlightened co-regulation» amid new technological challenges, including the proliferation of generative artificial intelligence and escalating cyber threats. The methodological basis of the research comprises comparative legal analysis, institutional approach, and case study method applied to examine the law enforcement practice under the Digital Services Act (DSA) and Digital Markets Act (DMA) Regulations during 2024–2025. The scientific novelty of the work lies in developing the concept of «algorithmic constitutionalism» as a new stage in the evolution of digital contractualism, as well as conducting a comprehensive analysis of the initial implementation results of the European «Digital Services Package2 in the context of countering risks generated by artificial intelligence. The research concludes that the EU is establishing a precedent-setting model of hybrid digital regulation based on the principle of «constructive rigidity», where public-law guarantees ensure the legitimacy of private rule-making in transnational digital space. The theoretical significance of the work is determined by its contribution to the development of the digital public law doctrine, while its practical value lies in identifying optimal ways to balance private and public interests in the digital environment.

Keywords: platform law, digital regulation, co-regulation, European Union, DSA, DMA, algorithmic constitutionalism, generative artificial intelligence, meta-regulation, digital public goods, cyber resilience.

Исаев Давид Шахларович

Начальник юридического отдела ООО «Стройкапитал»;
Аспирант, Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
d.isaev_lawyer@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование трансформации регуляторной парадигмы Европейского Союза в контексте вызовов цифровой эпохи. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием феномена «платформенного права» и необходимостью разработки адекватных механизмов правового регулирования цифровых экосистем. В центре внимания находится анализ эволюции подхода ЕС от политики добровольного саморегулирования к модели «просвещенного соуправления» (англ. enlightened co-regulation) в условиях новых технологических вызовов, включая распространение генеративного искусственного интеллекта и усиления киберугроз. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой анализ, институциональный подход и метод case study, применяемые для изучения правоприменительной практики в рамках Регламентов о цифровых услугах (DSA) и цифровых рынках (DMA) в период 2024–2025 годов. Научная новизна работы заключается в разработке концепции «алгоритмического конституционализма» как новой стадии эволюции цифрового контрактualизма, а также в проведении комплексного анализа первых результатов имплементации европейского «пакета о цифровых услугах» в контексте противодействия рискам, порождаемым искусственным интеллектом. В результате исследования сформулирован вывод о становлении в ЕС прецедентной модели гибридного цифрового регулирования, основанной на принципе «конструктивной жесткости», где публично-правовые гарантии обеспечивают легитимность частного нормотворчества в транснациональном цифровом пространстве. Теоретическая значимость работы определяется вкладом в развитие доктрины цифрового публичного права, а практическая ценность — выявлением оптимальных путей балансировки частных и публичных интересов в цифровой среде.

Ключевые слова: платформенное право, цифровое регулирование, соуправление, Европейский Союз, DSA, DMA, алгоритмический конституционализм, генеративный искусственный интеллект, метарегулирование, цифровые публичные блага, киберустойчивость.

Введение

Развитие глобальных цифровых экосистем бросает вызов традиционным парадигмам права и государственного суверенитета. В XXI веке нормативность перестала быть монополией государства: частные кор-

поративные правила, алгоритмы и пользовательские соглашения крупнейших IT-компаний де-факто регулируют поведение миллиардов пользователей, формируя транснациональные нормативные порядки. Этот феномен, обозначаемый в литературе как «платформенное право» (англ. platform law), характеризуется отсутствием

территориальных границ и механизмов демократической легитимации, что порождает парадокс — корпоративные акты приобретают силу публичных норм, оставаясь вне традиционного правового контроля [4].

Европейский Союз, являясь одним из мировых регуляторных лидеров, предложил на данный вызов сложный и многоуровневый ответ. Вместо пути тотального государственного контроля или, напротив, полного невмешательства (как в ранней модели США), ЕС избрал стратегию «просвещенного соуправления» (англ. *enlightened co-regulation*). Данная модель представляет собой симбиоз жесткого публичного регулирования, задающего цели и рамки, и гибких механизмов частного самоуправления, отвечающих за их операционную реализацию [5].

Актуальность данного исследования усиливается новыми технологическими вызовами, возникшими в 2024–2025 гг., в частности, стремительным развитием генеративного искусственного интеллекта и эскалацией гибридных угроз в киберпространстве. Эти вызовы обуславливают необходимость переосмысления существующих регуляторных подходов и требуют разработки новых теоретико-правовых конструкций.

Целью настоящего исследования является теоретико-правовое осмысление феномена «платформенного права» и анализ его трансформации в правовом поле Европейского Союза через призму модели соуправления. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. раскрыть теоретико-правовое содержание концепций «платформенного конституционализма» и «цифрового контрактualизма» в их эволюции к «алгоритмическому конституционализму»;
2. проследить эволюцию подхода ЕС от добровольного саморегулирования к гибридной модели в контексте противодействия новым технологическим вызовам;
3. проанализировать ключевые элементы модели соуправления на примере Регламентов о цифровых услугах (DSA) и цифровых рынках (DMA), включая первые результаты их имплементации в 2024–2025 гг.;
4. выявить преимущества и ограничения данной модели в обеспечении подотчетности цифровых платформ в условиях рисков, порождаемых генеративным ИИ.

Научная новизна исследования заключается в системном рассмотрении европейского регулирования как целостной философско-правовой модели, направленной не на подавление саморегулирования, а на его «цивилизацию» и интеграцию в публично-правовое поле с учетом новейших технологических вызовов. В работе развивается концепция «цифрового публичного

права» и вводится понятие «конструктивной жесткости» европейского подхода.

Методологическую основу составляют сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить эволюцию регуляторных подходов, институциональный анализ, применяемый для изучения новых органов цифрового надзора, а также формально-юридический анализ текстов нормативных актов ЕС.

Теоретико-правовые основы платформенного права и эволюция подхода ЕС

Современные цифровые платформы выходят далеко за рамки экономических акторов, превращаясь в «частных регуляторов» своих экосистем [4]. Их корпоративные нормы — Правила сообщества (англ. *Community Standards*), алгоритмы модерации, пользовательские соглашения — образуют то, что можно обозначить как «Lex Digitalis» — новую совокупность цифровых правил, формирующихся вне национальных юрисдикций.

Данный феномен осмысливается в науке через две ключевые концепции. «Платформенный конституционализм» [19] предполагает, что крупные платформы создают собственные «квазиконституции», которые регулируют фундаментальные вопросы свободы слова, приватности и прав пользователей, используя для этого алгоритмические инструменты и армии модераторов. «Цифровой контрактualизм» [7, 19], в свою очередь, рассматривает пользовательские соглашения как форму частноправового договора, который, однако, приобретает публично-правовое значение, размывая границы между частным и публичным правом.

В 2024–2025 гг. данные концепции получили развитие в концепции «алгоритмического конституционализма», который акцентирует, что основным источником регуляции становится уже не текст соглашений, а функционирование алгоритмов — рекомендательные системы, ранжирование контента, системы автоматизированного принятия решений, формирующие новую цифровую нормативную реальность [21].

Исторически ЕС в 2000-х — начале 2010-х годов делал ставку на добровольное саморегулирование и отраслевые инициативы, стремясь не препятствовать инновациям [3]. Однако усиление рыночной концентрации, системные риски, связанные с распространением дезинформации и нарушением прав пользователей, продемонстрировали недостаточность исключительно добровольных мер. Это побудило ЕС совершить переход к стратегии метарегулирования — подходу, при котором публичная власть задает рамки и цели, а частные акторы разрабатывают конкретные механизмы их достижения, находясь под постоянным надзором [16].

Новые технологические вызовы придали дополнительный импульс этому переходу:

1. генеративный ИИ и синтетический контент — массовое распространение Deepfakes, AI-генерация мошеннического контента и автоматизация дезинформации создали новые системные риски, требующие регуляторного ответа [17];
2. кибербезопасность и гибридные угрозы — эскалация кибератак на критическую инфраструктуру и использование платформ для гибридных войн обусловили необходимость усиления киберустойчивости цифровых экосистем [14].

Ключевыми вехами на этом пути стали:

1. Общий регламент по защите данных (GDPR, 2018), который, в частности, в ст. 40 поощрял разработку отраслевых кодексов поведения;
2. Кодекс поведения по борьбе с разжиганием ненависти в интернете (2016) — первое крупное соглашение между Еврокомиссией и платформами о добровольном удалении незаконного контента в течение 24 часов [13];
3. Кодекс практики по борьбе с дезинформацией (2018, 2022), ознаменовавший переход к более обязывающим формам сотрудничества [12].

Важным катализатором для перехода ЕС к наднациональному регулированию стало принятие в 2017 году германского Закона об обеспечении правоприменения в сетях (NetzDG). Данный национальный акт, устанавливающий для платформ строгие 24-часовые сроки удаления противоправного контента под угрозой многомиллионных штрафов [8], продемонстрировал два ключевых риска: во-первых, потенциальную фрагментацию цифрового единого рынка ЕС из-за появления несогласованных национальных правил, и, во-вторых, готовность государств-членов к жесткому администрированию цифрового пространства в отсутствие общих стандартов. Таким образом, NetzDG выступил своего рода «предвестником» и одновременно стимулом для разработки DSA, который, вобрав в себя некоторые принципы немецкого закона (как, например, обязательность и срочность исполнения предписаний), перенес их на наднациональный уровень в более сбалансированном виде, дополнив механизмами защиты прав пользователей и системного управления рисками [18].

Апофеозом этой эволюции стало принятие в 2022 году «пакета о цифровых услугах» (англ. Digital Services Package), ядро которого составили Регламенты DSA и DMA, закрепившие гибридную модель соуправления в качестве основной для цифрового пространства ЕС.

Модель «просвещенного соуправления» в Регламентах DSA и DMA.

Модель, реализуемая ЕС, основана на принципе «ответственного цифрового суверенитета», который предполагает, что гибкость частного управления может быть сохранена только при условии его подчинения легитимности и подотчетности публичного права [15]. DSA и DMA выступают двумя столпами этой модели.

1. Регламент о цифровых услугах (DSA): управление контентом и системными рисками.

DSA [9] создает горизонтальную, основанную на принципе пропорциональности, систему регулирования. Его ключевые инновации в контексте соуправления заключаются в следующем:

- Обязательства по управлению системными рисками.

Крупнейшие платформы (VLOPs) обязаны проводить ежегодную оценку системных рисков, связанных с распространением незаконного контента, нарушением фундаментальных прав и манипулятивными практиками, и принимать адекватные меры по их смягчению [9]. Это переводит саморегулирование из реактивной в проактивную фазу, заставляя платформы действовать как ответственные управляющие системными процессами.

- Стимулирование разработки кодексов поведения и кризисных протоколов.

Еврокомиссия напрямую поощряет создание и внедрение отраслевых кодексов на основе DSA, которые, пройдя процедуру одобрения, становятся элементом правоприменительной практики. В условиях кризиса (например, пандемии или конфликта) Комиссия может инициировать принятие кризисных протоколов, обязывающих платформы к скоординированным действиям [9].

- Многоуровневая система надзора.

Наднациональный уровень (Еврокомиссия) курирует VLOPs, в то время как национальные уровни (координаторы цифровых услуг) контролируют прочие платформы. При этом независимая Группа европейских регуляторов аудиовизуальных услуг (ERGA) и советы по надзору за платформами выполняют консультативные и аналитические функции, обеспечивая участие экспертного общества [11].

Первые годы применения DSA выявили ряд значимых тенденций. В 2024 году Еврокомиссия инициировала расследования в отношении нескольких VLOPs, включая X (бывший Twitter), за недостаточную эффективность в противодействии дезинформации и незаконному контенту [19]. Особое внимание уделялось готовности платформ противостоять рискам, связанным с избира-

тельными процессами в ходе выборов в Европейский парламент. Это продемонстрировало практическую реализацию заложенного в DSA риск-ориентированного подхода.

2. Регламент о цифровых рынках (DMA): соуправление для обеспечения конкуренции.

DMA [10] вводит концепцию «контролеров доступа» (англ. gatekeepers) — системно значимых платформ, к которым применяется превентивный список запретов и предписаний. Роль соуправления здесь иная:

- Диалог в процессе назначения.

Комиссия не назначает контролеров доступа в одностороннем порядке, но ведет диалог с компаниями, которые могут оспаривать этот статус, представляя доводы и доказательства.

- Отсроченное правоприменение и комплаенс-диалог.

После признания компании контролером доступа у нее есть 6 месяцев на внедрение необходимых мер. В этот период возможен диалог с Комиссией для уточнения способов выполнения обязательств, что позволяет учитывать технические особенности платформ.

- Интероперабельность и стандарты.

Требования DMA по обеспечению интероперабельности мессенджеров и переносимости данных стимулируют платформы к совместной разработке технических стандартов, что является формой отраслевого саморегулирования, инициированного сверху.

В 2024 году Еврокомиссия назначила шесть компаний контролерами доступа: Alphabet, Amazon, Apple, ByteDance, Meta и Microsoft. Уже в первые месяцы 2025 года были запущены несколько расследований о возможных нарушениях DMA, в частности, в отношении Apple касательно ограничений для альтернативных магазинов приложений и в отношении Google concerning предпочтительного положения собственных сервисов в результатах поиска [19]. Это демонстрирует строгое правоприменение новых правил.

Проведенный анализ позволяет выявить сильные и слабые стороны европейского подхода.

Потенциальные преимущества:

1. сбалансированность — сочетает гибкость и технологическую экспертизу частного сектора с демократической легитимностью и защитой общественных интересов со стороны публичной власти [15];

2. эффективность — позволяет быстрее адаптироваться к технологическим изменениям по сравнению с чисто законодательными методами [16];
3. культура проактивного соответствия — стимулирует платформы к внедрению механизмов управления рисками до прямого вмешательства регулятора, что снижает общие издержки регулирования [20].

Ключевые ограничения и риски:

1. сложность и ресурсоемкость надзора — создание и координация работы многоуровневой системы регуляторов (Комиссия, национальные координаторы, ERGA) требуют значительных административных ресурсов и высокой квалификации персонала [11];
2. риск «захвата регулятора» — постоянный тесный диалог между регуляторами и крупными корпорациями создает почву для лоббирования и оказания влияния на процесс принятия решений [5];
3. непоследовательность применения — несмотря на гармонизацию, сохраняется риск различий в трактовке и применении норм DSA на национальном уровне, что может привести к фрагментации единого цифрового рынка [6].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что Европейский Союз предложил миру наиболее сложную и проработанную на сегодняшний день модель реагирования на вызовы «платформенного права». Эволюционировав от политики поощрения добровольных инициатив к стратегии «просвещенного соуправления», ЕС создал прецедент легитимации частного нормотворчества через его интеграцию в систему публично-правовых гарантий.

Регламенты DSA и DMA не отменяют саморегулирование, а переводят его на качественно новый уровень, делая его подотчетным, прозрачным и сориентированным на снижение системных рисков. Эта модель, несмотря на свои сложности и потенциальные изъяны, представляет собой практическую реализацию формирующейся парадигмы цифрового публичного права, в котором государство и частные субъекты выступают не как антагонисты, а как партнеры, несущие совместную ответственность за сохранение демократических ценностей и прав человека в цифровую эпоху.

Перспективы дальнейших исследований видятся в анализе правоприменительной практики в рамках DSA и DMA, а также в сравнительном изучении данной модели с подходами других юрисдикций, что позволит оценить ее эффективность и потенциал для возможной глобальной гармонизации стандартов цифрового регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abbott, K.W., & Snidal, D. (2009). *The Governance Triangle: Regulatory Standards Institutions and the Shadow of the State*. Oxford University Press.
2. Belli, L., & Venturini, J. (2016). Private ordering and the rise of terms of service as cyber-regulation. *Internet Policy Review*, 5(4).
3. Van Dijck, J., Poell, T., & De Waal, M. (2018). *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford University Press.
4. Gawer A. (2022) Digital Platforms and Ecosystems: Remarks on the Dominant Organizational Forms of the Digital Age. *Innovation*, vol. 24, issue 1, pp. 110–24.
5. Gorwa, R. (2019). The platform governance triangle: Conceptualising the informal regulation of online content. *Internet Policy Review*, 8(2).
6. Gorwa, R. (2019). What is platform governance? *Information, Communication & Society*.
7. Gillespie, T. (2018). *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions that Shape Social Media*. Yale University Press.
8. Доронин П.А., Ларионова М.В. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2.
9. Европейская комиссия (2022). Digital Services Act. Official Journal of the EU, L 277/1.
10. Европейская комиссия (2022). Digital Markets Act. Official Journal of the EU, L 265/1.
11. ERGA (2023). Report on the Implementation of the DSA: Supervisory Mechanisms and Best Practices.
12. European Commission (2022). Code of Practice on Disinformation. Brussels.
13. European Commission (2016). Code of Conduct on Countering Illegal Hate Speech Online. Brussels.
14. ENISA (2025). Threat Landscape for Digital Platforms 2024–2025. European Union Agency for Cybersecurity.
15. Helberger, N., Pierson, J., & Poell, T. (2018). Governing online platforms: From contested to cooperative responsibility. *The Information Society*, 34(1), 1–14.
16. Marsden, C. (2011). *Internet Co-Regulation: European Law, Regulatory Governance and Legitimacy in Cyberspace*. Cambridge University Press.
17. OECD (2025). AI and the Future of Digital Platform Regulation. OECD Digital Economy Papers, No. 315.
18. Roberts, S. T. (2019). *Behind the Screen: Content Moderation in the Shadows of Social Media*. Yale University Press.
19. Suzor, N. (2019). *Lawless: The Secret Rules That Govern Our Digital Lives*. Cambridge University Press.
20. Шелепов А.В., Оценка роли цифровых платформ и экосистем в экономическом развитии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. №3.
21. Yeung, K. (2024). The New Algorithmic Governance: A Research Agenda. *Journal of Law and Society*, 51(1), 1–25.

© Исаев Давид Шахларович (d.isaev_lawyer@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»